

С Оксаной Грищук
Евгению Плютову
было кататься
непросто из-за
ее трудного
характера: им не
удавалось стать
даже друзьями.
Но на льду они
были прекрасны —
катать любовь им
было несложно

Евгений Платов

Улыбаться жизни

Евгений Платов с Оксаной Грищук достигли в спорте немислимых высот. Их стиль катания — изящный и стремительный, высокотехнический и страстный — никого не оставлял равнодушным. Они совсем не подходили друг другу в жизни, но на льду были идеальной парой и долгие годы задавали тон в фигурном катании. Их имена занесены в Книгу рекордов Гиннесса: это единственный дуэт, дважды ставший олимпийскими чемпионами в танцах на льду.

Евгений, вы давно живете в Америке. Как вам там?

У меня дом на побережье океана, в местечке Фрихолд. Я живу здесь с 1994 года. Тишина, покой, птички поют... Полчаса езды — и ты в Нью-Йорке. Но все во мне осталось русским, даже американский акцент в речи не появился. Смотрю русские каналы ТВ, слушаю русскую музыку, обожаю русскую кухню. И вообще люблю жизнь. Всегда был оптимистом, но Америка — страна оптимистов — подлила масла в огонь. Здесь я стал еще более позитивным человеком.

Знаю, что вы родились и встали на коньки в Одессе. Расскажите о жизни в этом чудесном городе, вашем детстве и первых успехах в спорте.

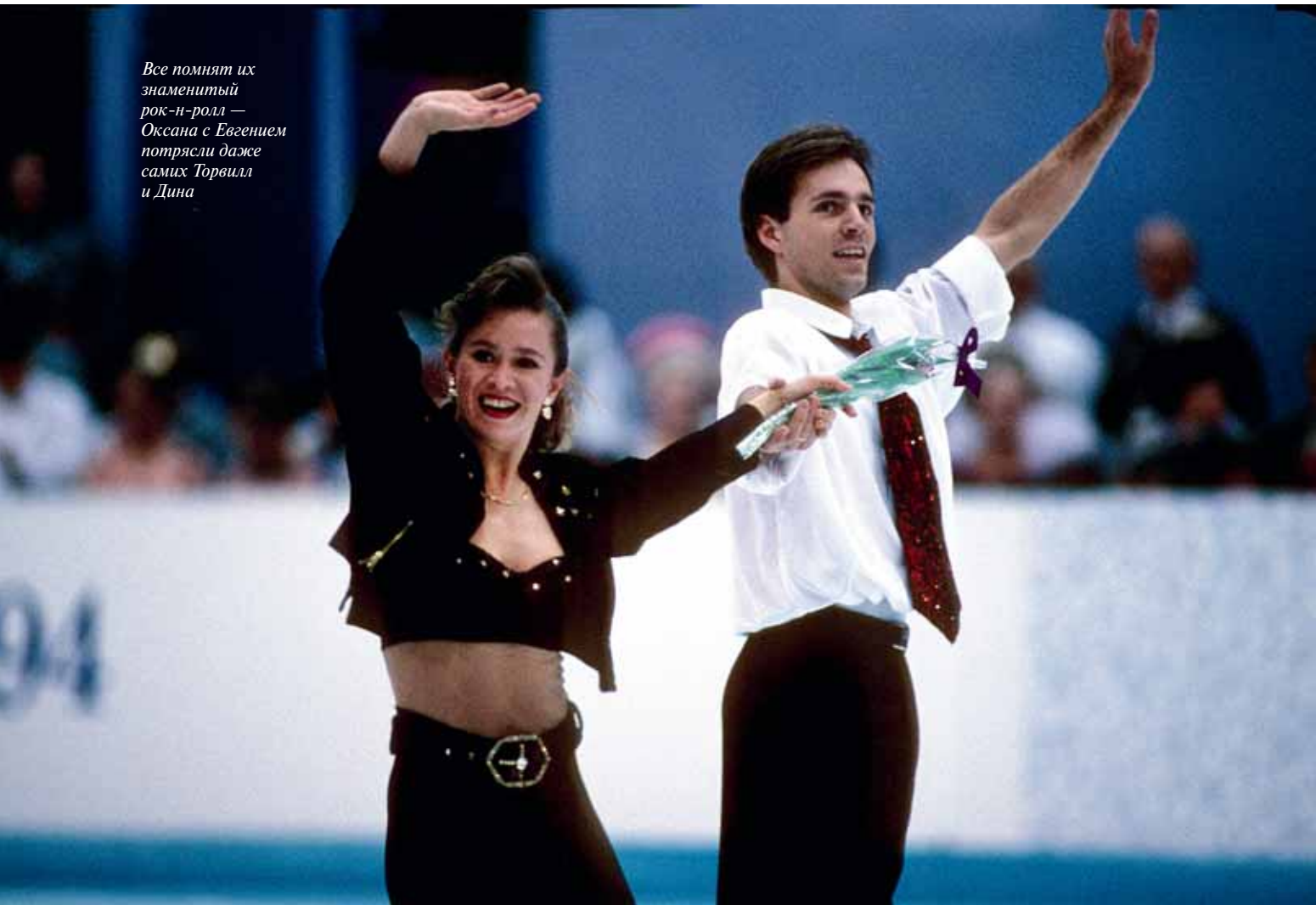
В Одессе нечасто бывают холодные зимы, но водоемы иногда замерзают. Однажды мы ехали на машине, и я увидел, как люди катаются

на коньках. Одно дело по телевизору и совсем другое — вживую! У людей какие-то штуки на ногах, и они вроде как летают... Это произвело на меня такое сильное впечатление, что началась истерика. Я умолил родителей купить мне коньки. А через пару дней, увидев во дворе кусок замерзшего асфальта (там стояла бочка с водой — вода разлилась и замерзла), попросил деда прикрутить коньки и вышел кататься на этой лужице. Бабушка, быстро разглядев во мне задатки, воскликнула: «Смотрите, он поехал! По-моему, он уже фигурист!» Меня записали в секцию, и я стал довольно успешно кататься. Помню первое разочарование: мне было шесть лет, я плохо сделал «волчок» и занял третье место. Тогда я понял, что хочу быть только первым!

У меня не очень получались прыжки, я еле-еле делал перекидной, а ритбергер вообще не мог исполнить. Стало ясно, что надо идти в танцы. Буквально через полгода после начала занятий с партнершей Еленой

ФОТО АНДРЕЙ ГОЛОВАНОВ, СЕРГЕЙ КИВРИН

Все помнят их знаменитый рок-н-ролл — Оксана с Евгением потрясли даже самих Торвилл и Дина

Крыкановой у нас появилась возможность участвовать в показательных выступлениях с самыми именитыми парами: Моисеевой — Миненковым, Линичук — Карпоносовым — это было в Одессе, где мы открывали второе отделение. Эти показательные — наш первый сумасшедший успех.

1982 год. В Одесский пятитысячный зал невозможно купить билет, вокруг дворца стоит конная милиция, все кричат: «У вас нет лишнего билетика?» — вот какой ажиотаж! В зале яблоку негде было упасть, люди стояли в проходах... У меня хранятся фото того времени, где мы с Леной танцуем «Полечку». Мы прокатались вместе девять лет, выиграли три чемпионата мира среди юниоров — это достижение до сих пор никто не побил.

В 1982 году мы приехали в Москву, и я гордо объявил, что если в первом сезоне не попаду на чемпионат мира, то брошу фигурное катание, вернусь в Одессу и стану, как отец, моряком. Поставил себе очень высокую планку. Мы стали третьими на чемпионате Союза, но на мировое первенство послали четвертую пару, так уж сложилось. Зато через год с первого раза выиграли чемпионат мира.

«Я ГОРДО ОБЪЯВИЛ, ЧТО ЕСЛИ В ПЕРВОМ СЕЗОНЕ НЕ ПОПАДУ НА ЧЕМПИОНАТ МИРА, ТО БРОШУ ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ, СТАНУ, КАК ОТЕЦ, МОРЯКОМ»

Помните, как встали в пару с Оксаной Грищук?

Помню, как она появилась у нас в группе. Со мной реально случился шок! Если Лариса Федоринова (моя вторая партнерша) была классической фигуристкой, с правильными линиями, то Грищук — огонь на льду. У нее не было никаких линий — моталась из угла в угол, очень шустрая. Оксана до меня каталась в паре с Сашей Чичковым и тоже стала чемпионкой мира среди юниоров.

У нас с ней была очень разная техника, так что пришлось трудно. Мы ехали в разные стороны, как лебедь, рак и щука. Встали в пару в августе 1992 года, а в сентябре на чемпионате страны хорошо себя показали

и сразу вошли в сборную. Работали много — по три тренировки в день, шесть часов на льду. С ней мы установили своеобразный рекорд: каждый год на чемпионатах мира поднимались хотя бы на одну ступеньку выше. Сначала были пятыми, на следующий год, в 1992-м, обыграли итальянскую и венгерскую пары и стали четвертыми. В 1993-м — уже вторыми. А еще через год вернулись Торвилл и Дин, и мы у них выиграли. Душа была переполнена эмоциями! Я только сейчас начал понимать, что мы тогда сделали...

Голова не закружилась от победы над такими соперниками?

Голова кружилась уже от того, что они возвращаются. Очень много было информации об этом — о том, что всем конец, — поэтому собраться с духом оказалось не-

просто. Они такие великие, а мы никто... Но все равно, было очень приятно, ведь они мой идеал. Как они делали «Болеро» — революция! И неважно было, кто победит. Главное — поучаствовать, побороться. А когда выиграли, честно скажу, я чувствовал себя даже как-то неудобно...

Вы с Оксаной выиграли две Олимпиады — Лиллехаммер-94 и Нагано-98. Этот рекорд в танцах на льду до сих пор никто не побил. Ощущаете свою исключительность?

Такое ощущение присутствует. Я помню, как подошел к Александру Георгиевичу Горшкову и спросил, что мне делать. Он сказал: «Выживают сильнейшие. Когда ты на вершине, все хотят тебя скинуть. Если не будете реально выше других, вас сожрут. Достаточно малейшего промаха». Я это запомнил.

В 1991 году у меня была операция на колене, после нее я выступал на Олимпиаде в Альбервилле, где мы заняли четвертое место. Мог тренироваться всего два часа в день — через час начинались дикие боли в колене. Честно говоря, хотел заканчивать со спортом. С детства мечтал стать олимпийским чемпионом и достиг цели. Что дальше? А дальше все очень сложно, потому что популярности особой не было. Нас считали молодыми выскочками, и это было обидно. Наша победа многим казалась несправедливой. Хотелось доказать, что мы шли к этому всю жизнь и на тот момент действительно были сильнее. И второе: мы были нищими, без копейки за душой. Занимали денег у своей же Федерации, чтобы поставить программу. Помню, летели в самолете с Сережей Гриньковым, и я ему сказал, что хочу закончить со спортом. «Ну и дурак, — ответил он. — Ты хоть и чемпион, но кто тебя знает? Тебе в туре три копейки заплатят, потому что ты новый. Еще четыре года прокатайся — придет популярность, тогда и заработать сможешь». И мы приняли решение выступать до следующей Олимпиады — да не просто кататься, а пахать. Решили всех сокрушить и выиграть еще одни Олимпийские игры. Но все получилось не так, как хотелось: мое колено стало буквально разваливаться, как и отношения с Оксаной.

Всем известно о сложном характере Оксаны. Как вы уживались на льду — два совершенно разных человека?

Я об этом много думал и пришел к такому выводу: если на льду

сходятся два одинаковых характера, ничего не получается. И наоборот. Мое спокойствие и ее вспыльчивость давали некий баланс. Единственное, о чем сожалею, — о том, что мы с Оксаной не были друзьями. Не получалось. Во время сезона у нее включалось желание победы, да так, что буквально ехала крыша. Она сметала все на своем пути. В конце сезона мы обнимались, и она говорила: «Извини, что я такая». Когда получали очередную золотую медаль чемпионата мира, просила: «Потерпи еще». А я думал: почему мы не можем в сезоне вот так разговаривать — нормально, как люди?

Когда два человека работают вместе, они должны найти общий знаменатель. Оксана же всегда стояла на своем: «Это лучше. Это хуже. Я хочу только так!» Случалось все — скандалы, истерики, кидание коньками... Она убегала с тренировок, не подходила к телефону, ей всюду мерещились шпионы и т.д. Татьяна Анатольевна Тарасова до сих пор помнит, как Оксана подбегала к ней после тренировки, хватала за шубу, трясла и кричала: «Ну, мы выиграем или не выиграем?» Татьяна Анатольевна говорила: «Если будешь вовремя приходить на тренировки, мы попытаемся выиграть», а та снова трясла и кричала: «Ну, мы выиграем или не выиграем?»

Друзья в Голливуде пытались ее раскрутить, и она вообразила себя второй Мэрилин Монро. Ее так это закрутило, что и к фигурному катанию стала относиться как к платформе для покорения Голливуда. Эмоции кидали ее во все стороны, в голове была каша — Оксану просто рвало на части. Она не знала, как с собой совладать. По-

стоянно была в слезах и в истерике. Сейчас это воспринимается как карикатура, комедия, но тогда нам так не казалось. Я ходил буквально зеленого цвета. Думал, что либо сойду с ума, либо с ней что-нибудь сделаю. Помню, я вызвал в Америку своих родителей — больше не мог в этом ужасе находиться, у меня тоже могла съехать крыша. Отец сказал: «Побеждает тот, кто умеет ждать. Научись терпеть, и твое время придет». И я терпел. Но когда мы выиграли вторую Олимпиаду, то сразу расстались.

*С Майей Усовой
Евгений Платов
смог снова
полюбить фигурное
катание и прожил
самые счастливые
годы на льду*

В 2006 году мы встретились с Оксаной в Москве в шоу «Танцы на льду», прокатились вместе, и у нас случилось откровение. Оксана говорит: «Да, я понимаю. Меня тогда разрывало, у меня крыша ехала. Но вы-то что с Татьяной Анатольевной, не могли меня остановить?» Она все поняла, мы расстались друзьями. Сделали несколько замечательных шоу. А то вся эта история — наших с Оксаной медалей — оставалась для меня

неоконченной книгой, потому что мы тогда расстались нехорошо. В 1998 году я решил распрощаться со спортом. **И тут появилась Майя Усова. Какова ее роль в вашей жизни? Известно, что в свое время вы катались с Татьяной Навкой, Оксана каталась с Александром Жулиным, вы с Майей... При этом катепели нешуточные личные страсти. Расскажите, что это было?**

Мы с Майей буквально друг друга нашли. У нее была примерно такая же ситуация с Сашей Жулиным, даже хуже, потому что они муж и жена. Пара реально погибала. Я тоже погибал, понимая, что кататься в профессиональном спорте с Оксаной уже не смогу. Я выбрал себе в партнерши Майю, и мы провели пять самых лучших моих лет в фигурном катании. Майя даже спокойнее, чем я! «Попробуем так?» — «Да». — «Может, перевернемся вниз головой?» — «Почему нет?» — «А может, так?» — «Давай». Я всю жизнь мечтал так работать.

Перипетии были разные, но роман случился только у Оксаны с Сашей. Мы же начали кататься с Майей потому, что хотели насладиться комфортными отношениями. Она была настолько покладистой, что я однажды даже крикнул: «Ты можешь хоть раз сказать «нет»?» Сегодня, если мы встречаемся, вспоминаем это со смехом.

Я почувствовал кайф катания. С Оксаной на лед даже смотреть не мог, а с Майей опять полюбил его. Мы во всем с ней совпадали и абсолютно не уставали, потому что дружили — ходили вместе в кино, гуляли по городу. Мы и сейчас с ней дружим. Как все-таки важна совместимость людей! Когда катался с Оксаной, я не понимал, что еду вместе с ней — мы были единым целым. Но мы абсолютно разные люди и совмещались только на льду, в жизни не переносили друг друга.

Когда вы ушли из спорта, было трудно адаптироваться к обычной жизни?

Поначалу я не боялся. Вот же мои медали, я чемпион! Но когда все закончилось, совсем потерялся... Первые два года было очень тяжело, я думал, что жизнь кончилась — настолько раньше она казалась насыщенной, яркой, как фейерверк, и вдруг — пустота. Мы можем работать только тренерами. Этот вопрос тогда ясно встал передо мной: смогу ли тренировать? Помогать кому-то мне всегда нравилось, но сомнений было больше, нежели уверенности.

Но все же тренером вы стали, у вас получилось. Когда вы испытали радость от работы и кто внушил уверенность, что это ваше дело жизни?

После Олимпиады в Солт-Лейк-Сити Майя сказала, что ей неохота больше кататься, и я остался у разбитого корыта. Понял, что надо все начинать с нуля — в голове была жуть. В тот момент ко мне обратилась израильская федерация — попросили помочь Гале Чейт с Сергеем Сахновским (они и раньше приезжали на консультации). Я согласился. И вскоре стал их тренером. Было интересно, но непонятно. Помню, Татьяна Анатольевна тогда сказала мне: «Начал? Хорошо, давай. Но знай: ты по-настоящему поймешь, что такое тренер, только лет через десять». Я удивился: как десять лет?! И когда стал работать у нее помощником, понял, что ничего не умею...

Прошло восемь лет, и я вижу, как была права Тарасова: только-только начинаю доходить до чего-то. Надо чувствовать, что сказать спортсмену, а что, может быть, не сказать, — это появляется с годами. Я счастлив, что два года провел с Татьяной Анатольевной плечом к плечу и многому у нее научился. Я стал ощущать приступы счастья, когда видел, что получается...

Мне удалось поработать с такими великими спортсменами, как Шизука Аракава или Дайсукэ Такахаси. С Дайсукэ мы много трудились над техникой. Он никогда не задавал много вопросов — зачем, почему. Просто учился. Не говорил, что не сможет сделать что-то, — шел и пробовал. Он уникальный мальчик и не случайно стал чемпионом мира. Работал я и с Жубером. И со временем понял: первыми становятся не случайно.

Вы сейчас успешно работаете с англичанами — братом и сестрой Керр. Как вы их открыли?

Это случилось случайно. Английская федерация пригласила меня на семинар. Керров хотели кому-то отдавать — посчитали, что их всему научил их тренер и надо идти дальше. Там-то мне и предложили помочь им. Я сказал: «С удовольствием, мне нравятся эти интересные ребята». Это был 2006 год, и мы начали работать у меня на катке в Америке. Так до сих пор и сотрудничаем. Они живут здесь, они трудоспособные, никогда не

«ПЕРВЫЕ ДВА ГОДА Я ДУМАЛ, ЧТО ЖИЗНЬ КОНЧИЛАСЬ — НАСТОЛЬКО РАНЬШЕ ОНА КАЗАЛАСЬ НАСЫЩЕННОЙ»

останавливаются — приходят на лед и могут весь день кататься, не жалуясь на усталость. Керры — уникальные ребята и своим трудом добились немало. У них есть яркая индивидуальность. Одно время им не хватало техники, и мы много работали над этим. С ними мы еще годик поработаем, но до Олимпиады-2014 Керры не останутся, потому что им уже тридцать один год. Сейчас британская федерация попросила меня тренировать вторую их пару, и с ними я поеду на Олимпиаду в Сочи.

Есть один минус: я бы очень хотел работать с хорошими русскими ребятами. Но я живу далеко от России — девять часов полета. И еще — здесь все дорого, надо снимать квартиры, за все платить, а спонсоров в фигурном катании обычно нет. Проблема в этом. Если бы Америка была поближе к России! (Смеется.)

О вас говорили, что вы — уникальный партнер, на глубинном уровне чувствующий того, кто рядом. Быть идеальным партнером можно научиться?

Думаю, это врожденное. Прежде всего у меня есть чувство музыки и полная раскрепощенность. Все, что чувствую, стараюсь передать телом, движением. Я помню, еще в детстве нам давали задание на импровизацию. Все, кроме меня, стояли по углам. Я же никогда

не стеснялся на льду — не понимал, почему другие дети хихикают. Хотя в жизни очень стеснительный человек. Мой первый тренер Борис Рублев учил: «Нужно забыть о себе и преподнести партнершу. Потому что на нее смотрят все. Делай так, чтобы ей было удобно, а ты сам оставался в тени. Женщина на льду должна светиться».

Как вы думаете, на чем должны строиться отношения между партнерами — на чувстве любви, дружбы, уважения?

На льду романтические отношения могут мешать результату. Чувство собственности рождает ссоры. Думаю, для работы идеальна дружба, когда у каждого партнера своя семья. Тогда они действительно уважают друг друга, и после работы можно вместе пойти в кино. Когда катаются, например, брат с сестрой — это тоже неплохо. Что бы ни случилось, они одна семья и всегда помогут друг другу. У меня в этом смысле интересно получилось: я работал с братом и сестрой Зарецки, потом

«ПРОСЫПАЕШЬСЯ — И ВИДИШЬ СОЛНЦЕ, И УЛЫБАЕШЬСЯ, И ВСЕ У ТЕБЯ ХОРОШО. НЕ МОГУ НАХОДИТЬСЯ С ЛЮДЬМИ, У КОТОРЫХ ВСЕ ПЛОХО»

появились Керры, а сейчас у меня есть маленькие дети — близнецы! Они так помогают друг другу, что диву даешься, — приходят домой, вместе с родителями что-то обсуждают... Отношения на льду вообще очень сложно объяснить и показать.

Как вы считаете, для супругов лучше заниматься одним делом или иметь каждому свой мир? Ведь ваша первая жена, Мария

Аниканова, тоже была фигуристкой, но выбрала театр.

Лучше, когда у каждого свое дело, в разных областях, тогда можно, придя домой, рассказать что-то интересное. Главное — понимать и чувствовать того, кто рядом. Маша хорошо знает фигурное катание. Но я, к сожалению, не очень хорошо знаю сферу ее деятельности — к театру отношусь спокойно, он у меня на втором месте после кино. Может, потому у нас и жизнь совместная не получилась. Сейчас Маша вышла замуж за актера и абсолютного счастлива, я рад, что у нее все сложилось.

А чем вас привлекает кино?

Кино я просто обожаю! Киноискусство для меня — все, ведь тренерская работа сродни режиссерской. Но если мы вдвоем должны создать четырехминутный спек-

такль, то в кино задействована армия людей, и при этом нужно все грамотно сделать — придумать, организовать, показать, чтобы потом тебя еще и критиковали. Режиссура в кино — это апофеоз!

Из чего еще состоит ваша жизнь? Знаю, что вы любите автогонки, авиацию.

Да, с 2004 года я фанат «Формулы-1». Вы можете по этой теме задать любой вопрос — отвечу на все. Я живу этим, не могу дождаться соревнований. Все записываю и потом отсматриваю: квалификацию, гонки — все!

Сами-то гоняете?

Еще как! На картинге в основном. И здесь, где я живу, проходят гонки, и в Шотландии, куда езжу к Керрам (причем трасса там расположена прямо рядом с катком). Мы проходим аккредитацию и участвуем. Джон и Шиннед — тоже большие гонщики. Они меня даже обыграли однажды. Я сказал: «Так дело не пойдет», на следующий день утром взял у них несколько уроков — и победил. Я же хочу быть не третьим, не вторым — только первым! Хотя мне третье место нравится больше, нежели второе: быть вторым очень обидно! Так близко к первому, но не первый...

А еще я обожаю авиацию, хожу на все авиашоу. Это замечательное зрелище! Я и сам пытался летать, даже сдал на права пилота. На моем счету уже пять полетов! В том числе на самолете «Сирок» — P-22. Это один из самых дорогих и быстрых самолетов, такой купила себе Анджелина Джולי. У меня есть знакомый, который раз-

решил на нем полетать.

Вы человек экстрима?

Да. Когда у меня соответствующее настроение, мне обязательно нужно сделать что-то экстремальное. Например, промчаться на сумасшедшей скорости. Еще я не могу без неба и воды. Мне очень нравится Калифорния. Приезжайте в Санта-Монику — там такая красота! Это не передать — океан, побережье... И чистота. Вы не

Евгений со своими учениками: Джоном и Шиннед Керр

увидите ни одной спички на асфальте. Хотя плавать в океане небезопасно — много акул. Далеко не заплывешь, и страшно, если честно. Но это ощущение, когда волна тебя подхватывает, и ты можешь на ней проплыть 20–30 метров, скорость, экстрим — это потрясающе.

У вас, знаю, есть еще одно увлечение — гольф...

Меня познакомили с гольфом году в 1996—1997-м. Все русские тогда смотрели его, а я говорил: «Что вы ерундой занимаетесь? Палочка, луночка — это несерьезно». А мне фанаты гольфа говорили: «Приходите завтра в семь утра и посмотрите». Я решил, что не сумасшедший — встать в шесть утра в свой выходной во время тура, но они уговорили меня поехать. С тех пор с гольфом не расстаюсь. Я видел, как чемпион мира

В коллекции медалей Евгения Платова есть награды всех достоинств, но самые дорогие и желанные — две олимпийские медали

в одиночном катании Тод Эдбридж (он — самый спокойный человек на свете, один из лучших игроков в гольф среди фигуристов) ломает клюшку стоимостью пятьсот долларов об землю — со злости! Кажется, это самый скучный вид спорта, но эмоции — запредельные! У тебя есть только один шанс, и если допускаешь ошибку, то все рушится... Иногда я беру клюшку и играю один. Полностью отключаюсь от жизни — на два-три часа меня просто нет. Есть игра, есть задача, есть прекрасная погода, сумасшедшей красоты поле, и я должен показать результат.

И все-таки мне кажется, что вы больше реалист, нежели романтик.

Абсолютно. Надо жить здесь, на земле, и радоваться жизни. Просыпаешься — и видишь солнце, и улыбаешься, и все у тебя хорошо. Страдания и нытье я не переношу. Не могу находиться с людьми, у которых все плохо. Я говорю: «Руки-ноги есть, голова есть, есть что поесть, есть на чем ездить — ура!» Это, наверное, во мне оттого, что я по Зодиаку — Лев, солнечный знак, и все время должен быть в хорошем настроении. Это не всегда получается. Но надо стараться улыбаться всем и самой жизни.

Вы во всем стремитесь быть лидером. А как в семейной жизни? Когда-то вы рассказывали, что встретили, наконец, свою половину — чудесную американку.

У вас сложилось?

Жанин — это находка моей жизни. Красивая и умная женщина. Мы уже десять лет вместе, и, что очень важ-

но в наших отношениях, она мой лучший друг и может разделить со мной все — и горечь неудач, и радость поражений. Что касается лидерства — в семье я немного другой, уступаю своей половине. Жизнь одна, и тратить ее на какие-то ссоры и выяснения — это неправильно. Считаю, что в семье всегда нужно найти какой-то баланс, чтобы не напрягать другого человека. Как в спорте — тренеры учили меня кататься так, чтобы партнерше было удобно. Так же должно быть и в жизни.

То, что вы счастливый человек, — это очевидно. А кому в жизни вы сами подарили счастье?

В первую очередь — своим родителям. Я их забрал к себе в Америку, и, по-моему, они здесь счастливы: живут в хорошем доме, ездят на хорошей машине, отдыхают на океане. Я маме когда-то сказал: «Бросай работу, выходи на пенсию, будешь сидеть в шезлонге возле океана и наслаждаться жизнью». Так и получилось. А еще, мне кажется, мы дарим счастье зрителям. Люди до сих пор присылают письма, говорят слова благодарности, сделали наш сайт в Интернете — и это очень приятно. Когда видишь, что тебя не забыли, — это здорово! Счастье я дарю и своим ученикам: если видишь, что ученики делают то, что ты хочешь, да еще и медали получают, то это невероятные ощущения! Когда я вижу, как горят их глаза, — даже маленьких детей — испытываю восторг! Научить кого-то и видеть, как они радуются, — это непередаваемо, и в этом кайф!

Светлана Лепешкова